

Лебедев А. П. Взаимные отношения Оттоманской Порты и подвластных ей христиан Греко-восточной Церкви после падения Византийской империи // Богословский вестник 1894. Т. 3. № 8. С. 243–266 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Взаимныя отношенія Оттоманской Порты и подвластных ей христіанъ Греко-восточной церкви, послѣ паденія византийской имперіи *).

III. Отношенія іерархіи греко-восточной церкви и народа къ турецкому правительству.

Султаны, начиная съ Магомета II, дали церкви и ея представителямъ большія права и привилегіи въ своемъ царствѣ и въ общемъ сохраняли неприкосновеннымъ этотъ даръ. Отношенія Порты къ церкви, какъ они установились при Магометѣ II, историки находятъ „въ высшей степени благоприятными для нея и выгодными“ ¹⁾. Первый патріархъ турецкаго времени Геннадій и прочіе представители церковнаго авторитета при немъ имѣли полную возможность установить ходъ церковныхъ дѣлъ сообразно съ тѣми идеями, какими руководились эти вожди церкви; „ибо Порта во внутреннія дѣла церкви совсѣмъ не вмѣшивалась“ ²⁾. Послѣдующее время не вызвало никакихъ такихъ перемѣнъ въ отношеніяхъ султановъ къ церкви, которыя бы вели къ худшему. Относительно всего XVI вѣка говорятъ, что „церковная и общественная автономія христіанъ не была никогда нарушена“ въ это время ³⁾. Не принимая на себя труда въ хронологическомъ порядкѣ указывать въ подобномъ же родѣ свидѣтельства, относящіяся къ послѣдующимъ вѣкамъ, ограничимся немногими общими замѣчаніями, могущими служить къ разъясненію разсматриваемаго вопроса. Лица, наиболѣе вліятельныя и благоразумныя въ турецкомъ мірѣ всегда держались того принципа, что греческая цер-

*) См. Юньскую книжку Богосл. Вѣстника.

1) Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches. B. II, S. 13.

2) Hertzberg. Geschichte Griechenlands. B. II, S. 546.

3) Иречка. Исторія Болгаръ, стр. 575.

ковь должна быть охраняема и оберегаема. „Лучшіе султаны, добросовѣстные муфтіи, болѣе разумные великіе визири, понимавшіе громадную важность греческаго народа для оттоманской имперіи, твердо держались того взгляда, что права восточной церкви слѣдуетъ уважать и охранять“¹⁾). Современные церковные историки и канонисты, обозрѣвая ходъ дѣлъ греческой церкви до послѣдняго времени, утверждаютъ, что автономія этой церкви рѣдко была нарушаема турецкою властію. По сужденію канониста Геймбаха, греческая церковь „достигла такого вліянія на самихъ мусульманскихъ владыкъ, что эти послѣдніе чрезвычайно рѣдко осмѣливались ограничивать ее въ ея правахъ или чѣмъ-либо оскорблять“²⁾). И во всякомъ случаѣ, по мнѣнію историка Газеманна, „турецкое правительство, по собственнымъ побужденіямъ, не вмѣшивалось во внутреннія дѣла церковныя, именно въ дѣла ея вѣры и культа“³⁾).

За такое отношеніе оттоманской Порты къ іерархіи, которая болѣе всѣхъ пользовалась плодами благоволенія иновѣрной власти, греческое общество и въ особенности высшее духовенство считали долгомъ выражать свои чувства признательности по адресу лицъ благодѣющихъ. Начало такимъ выраженіямъ положено еще въ царствованіе Магомета II. Одинъ аѳонскій монахъ Критовуль (какъ думаютъ, впоследствии секретарь самого Магомета) написалъ книгу, заключающую „описаніе славныхъ дѣлъ“ завоевателя Византіи. Сочиненіе представлено было Магомету, знавшему греческій языкъ. Въ предисловіи къ своему произведенію Критовуль помѣщаетъ посвяtitельное письмо Магомету II и говоритъ: „блистательныя дѣла царей персидскихъ, римскихъ и эллинскихъ разсказаны разными историками, а дѣянія Магомета II блистательнѣе и превосходнѣе ихъ...“ Затѣмъ авторъ превозноситъ Магомета, прибѣгая къ искаженію и замалчиванію фактовъ, неподходящихъ къ тону сочиненія⁴⁾). Не принимая на себя оцѣнки

¹⁾ Hertzberg, III, 90.

²⁾ Ersch und Gruber. Encyklop. V. 87, S. 31.

³⁾ Ibidem. Band 84, S. 209.

⁴⁾ Преосв. Порфирія (Успенскаго). Исторія Аѳона, ч. III, отдѣл. 2-е, стр. 448—9. Петерб. 1892. Погодина. Обзоръ источниковъ по исторіи взятія Византіи Турками: Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1889, мартъ, стр. 213—214.

поступка Критовула, предоставимъ слово одному нѣмецкому ученому, который говоритъ: „не радостное явленіе, что Грекъ и притомъ монахъ аѳонскій выступаетъ въ качествѣ исторіографа и панегириста султана Магомета“; и прибавляетъ: „очень жаль, что бѣдствія эпохи доводятъ греческую льстивость до сочиненія такого рода произведеній“¹⁾. Какъ бы въ pendant Критовулу другой греческій писатель того же времени нѣкто Георгій Трапезунтскій пишетъ льстивый панегирикъ тому же Магомету; въ этомъ произведеніи Георгій, преступая всякія границы, именуетъ завоевателя Византіи „сверкающею звѣздою, ослѣпительнымъ свѣточемъ“; по его словамъ, въ Магометѣ „чудодѣйственнымъ образомъ соединились мудрость, храбрость, скромность, милосердіе, справедливость, какого соединенія не встрѣчается ни въ одномъ изъ смертныхъ“²⁾. Такъ привѣтствуема была въ Греціи эпоха утвержденія магометанской власти въ христіанской Византіи.

Намъ не удалось собрать многочисленныхъ извѣстій, служащихъ къ удостовѣренію, что и іерархія подѣ влияніемъ тѣхъ преимуществъ и правъ, какими одарила ее Порта, заявляла о своихъ чувствахъ признательности по отношенію къ мусульманской власти. Но это и не особенно нужно; дальше будутъ приведены такіе факты, которые показываютъ, что признательность не только существовала, но и обнаруживалась въ соотвѣтствующей дѣятельности. Для характеристики же чувствъ, которыми наполнялась душа благодѣтельствованныхъ, приведемъ лишь немногія отрывочныя указанія въ подобномъ родѣ. Извѣстный константинопольскій патріархъ Кирилль Лукаръ, въ началѣ XVII вѣка такъ писалъ русскому царю Михаилу, выхваляя достоинства тогдашняго султана Османа. „Османъ насъ любитъ, — писалъ патріархъ царю — и заботится о насъ“, и рисуя идиллическую картину, Лукаръ заявляетъ: „мы христіане наслаждаемся свободою, пользуются свободою наши церкви и дома, и мы ни въ чемъ не имѣемъ стѣсненія отъ его власти; живемъ въ добрѣ, пребываемъ въ мирѣ и благодаримъ султана“³⁾. Положимъ, патріархъ, пиша такъ нашему

1) Hertzberg. II, 547—548.

2) Погодина. Op. cit., стр. 214—215.

3) Проф. Н. О. Каптерева. Характеръ отношеній Россіи къ Востоку въ XVI и XVII в., стр. 306 (примѣч.). М. 1885.

царю, дѣлаетъ видъ, ради этого послѣдняго, что будто онъ пишетъ подъ диктовку представителей Порты въ Константинополь, но нѣтъ сомнѣнiя, что если такія вещи патріархъ и не сказалъ бы безъ особеннаго побужденiя русскому государю, то во всякомъ случаѣ это именно сказалъ бы, если бы его попросили по чистой совѣсти сдѣлать оцѣнку турецкаго правительства по его отношенiямъ къ церкви.

Теперь мы хотимъ сказать объ одномъ явленiи, въ которомъ ярко выражается признательность константинопольской іерархіи къ турецкому режиму,—явленiи, по правдѣ сказать, очень странномъ, настолько странномъ, что мы не рѣшились бы оповѣстить о немъ въ нашемъ сочиненiи,—такъ какъ имѣли лишь одинъ источникъ и нѣсколько мутноватый,—если бы не нашли подтвержденiя для этого явленiя въ словахъ извѣстнаго русскаго востоковѣда покойнаго архимандрита Антонина (Капустина), настоятеля іерусалимской миссіи. Но къ дѣлу. Оказывается, что константинопольская іерархія позволяла себѣ имѣть близкія отношенiя, доходившія до побратимства, съ такими лицами, съ какими меньше всего мыслимо это побратимство,—съ янычарами, этими грубѣйшими солдатами печальнаго прошлаго. Іерархія константинопольскаго патріархата дружила съ этими врагами христіанства и вписывала свои имена въ списки янычаръ, хотя конечно вписывала фиктивнымъ образомъ. Лица, принадлежащія къ іерархіи, оправдывали этотъ свой поступокъ цѣлями благонамѣренными; они увѣряли, что будто они дѣлали это для пользы христіанства, именно для того, чтобы въ случаѣ какой либо церковно-общественной бѣды указать на свои связи съ янычарами, какъ на доказательство лойяльности и расположенiя христіанъ къ иновѣрному правительству. Разсматриваемое побратимство іерархіи и янычаръ выражалось въ слѣдующихъ фактахъ. Многіе архіереи вписывали свои имена въ списки той или другой орты или отряда янычаръ; а также записывали въ эти списки своихъ людей и своихъ преданныхъ послушниковъ, изъ которыхъ впослѣдствіи выходили епископы, архіепископы и патріархи, правившіе злополучною восточною церковію. Мало того: константинопольская іерархія, нисколько не стыдясь того, именовала въ угоду янычарамъ свой церковный чинъ и порядокъ системою или строемъ

„чернаго котла“—*cağà-casan*. Нужно знать, что кухонный котель игралъ большую роль въ жизни янычаръ: обѣдать изъ общаго котла значило для янычаръ выражать довольство всѣмъ и въ частности — правительствомъ, а опрокинуть котлы значило заявлять бунтъ противъ султана. Такимъ образомъ *kağà-casan* много значилъ въ жизни янычаръ. Принимая названіе: кара-казанъ, іерархія тѣмъ самымъ хотѣла выразить мысль, что счастье и бѣды этого грубаго воинства близки для нея и что члены ея такъ же связаны другъ съ другомъ, какъ янычары, имѣющіе для сего центромъ ихъ котлы. Лица, вносившія свои имена въ списки янычаръ, а такими были и архіереи, повидимому, не мало тщеславились такою принадлежностію къ почетной части турецкаго войска; ибо они любили украшать себя символическими знаками, употреблявшимися среди янычаръ. Янычары—нужно сказать—дѣлились на сто ортъ или общинъ; каждая орта имѣла свои символическіе знаки, которые были отпечатлѣваемы на рукѣ, на дверяхъ казармъ, гдѣ они жили и тѣхъ кофеенъ, гдѣ они сходились. Такіе же знаки носили на себѣ и тѣ лица изъ константинопольскаго духовенства, которыя значились въ спискахъ янычаръ. Рассказываютъ, что одинъ греческій митрополитъ, чловѣкъ видный по своему положенію, даже присвоилъ себѣ наименованіе: янычара и былъ извѣстенъ съ этимъ именемъ. Описанному нами явленію—говоримъ—сначала мы не придавали полнаго значенія, сомнѣвались въ полной его реальности, тѣмъ болѣе, что о немъ рассказываетъ Грекъ Іаковъ Пизипіосъ¹⁾, отступникъ отъ православія въ латинство. Но нашимъ колебаніямъ и сомнѣніямъ наступилъ конецъ, когда мы прочли у о. арх. Антопина въ одномъ его восточномъ дневникѣ слѣдующую замѣтку: „караказанъ. Такъ зовутъ укорительно и послѣдовательно (правильно?) въ Константинополѣ и *свои* и *чужіе* Великую церковь или константинопольскую патріархію. Въ переводѣ прозвище это значитъ: черный котель. Какой существенный признакъ заключается въ словахъ этихъ скорѣе можно почувствовать, чѣмъ опредѣлить“²⁾. Разумѣется, въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка,

1) Pitzipios. L'Eglise orientale. II et III partie, p. 86. 84. Rome, 1855.

2) Арх. Антонинъ. Поѣздка въ Румелію, стр. 267. Петерб., 1879. При

когда писалъ о. Антонинъ, и когда янычарь давно не существовало, самаго явленія, о которомъ рѣчь, уже не было, а было только очень твердое воспоминаніе о томъ, что было да прошло, оставивъ однакожь по себѣ слѣдъ въ языкѣ и представленіяхъ ¹⁾).

Но переходимъ къ историческимъ фактамъ, удостовѣряющимъ, что греко-восточная іерархія и дѣятельно, сколько могла, помогала утвержденію мира и благосостоянія Оттоманской Порты. Это было совершенно естественно. Если Порта одарила іерархію необыкновенными правами, то конечно она дала ихъ не даромъ. Историки утверждаютъ, что „правительственная духовная власть анатолійской церкви очень долго оставалась усердной носительницей и выразительницей турецкаго владычества надъ греческимъ народомъ“. Или нѣсколько иначе передавая ту же мысль, говорятъ: „высшее духовенство анатолійской церкви многихъ столѣтій было очень существеннымъ и очень полезнымъ факторомъ турецкаго могущества“ ²⁾. Въ чемъ же именно все такое обнаруживалось? Всѣ греко-восточные архіереи, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, обязывались смотрѣть за точ-

другомъ случаѣ тотъ же авторъ пишетъ, что одинъ его собесѣдникъ говорилъ (дѣло было на Востокѣ): „всѣ они (греческіе архіереи) таковы! Одинъ хуже другаго! Всѣ варились въ томъ же караказанѣ“. — „Хорошая вещь — прибавляетъ отъ себя о. Антонинъ — неограниченная свобода въ церкви, но именно въ церкви, а не въ караказанѣ“. (Патріархія и караказанъ янычаръ здѣсь чуть не синонимы). О. Антонина: „изъ Румелии“, стр. 87—88.

¹⁾ Тотъ же о. архимандритъ еще въ другомъ своемъ дневникѣ, подъ заглавіемъ: „Визинія“, писанномъ въ 1862 году, рассказываетъ слѣдующій фактъ, свидѣтельствующій о великой услужливости греческихъ архіереевъ предъ султанами. Султанъ Абдуль-Азисъ (въ 1862 г.) предпринялъ небольшое путешествіе по своему государству. На пути султана лежалъ г. Кій, чисто христіанскій. Нужно сказать, что султанское путешествіе совпало съ христіанскою страстною недѣлюю. Греческій архіерей г. Кія (недалеко отъ Никомидіи) встрѣтилъ дорогаго гостя у пристани въ архіерейскомъ облаченіи, причемъ ученики и ученицы мѣстнаго христіанскаго училища пѣли въ честь султана стихи, а три дѣвочки держали его портретъ; затѣмъ, архіерей и самъ послѣдовалъ за путешествующимъ султаномъ, преподнесъ ему какую-то молитву, сочиненную на турецкомъ языкѣ. Все это и само по себѣ любопытно, но любопытнѣе всего то, что архіерей совсѣмъ забылъ, что была страстная недѣля, и пропустилъ службы даже Великой пятницы и Великой субботы. Нельзя же — царь! (Христ. Чт. 1863, т. II, 519—520).

²⁾ Hertzberg. В. II, 547; III, 78.

нымъ и неукоснительнымъ сборомъ хараджа съ райи, въ ихъ епархіяхъ ¹⁾). Они сдѣлались какъ бы нѣкотораго рода чиновниками турецкаго министерства финансовъ. Но это, конечно, не имѣетъ еще большой важности. Важнѣйшее дѣло заключалось въ томъ, что греко-восточная іерархія, въ знакъ благодарности Портѣ за тѣ привилегіи, какими она, іерархія, пользовалась, приняла на себя ручательство за вѣрность и преданность греко-восточнаго народа Оттоманской власти и султанамъ. Она обязана была держать народъ въ страхѣ и послушаніи предъ иновѣрнымъ правительствомъ ²⁾).

Что обязана была дѣлать іерархія, и что она бралась дѣлать, то конечно и дѣлала, это само собою разумѣется. Но дѣлала она это, по мнѣнію лицъ, имѣвшихъ возможность наблюдать ходъ дѣлъ на христіанскомъ Востокѣ, съ такою избыточествующею готовностію, что въ концѣ концовъ „большая часть греческихъ архіереевъ ставила и цѣнила свое положеніе (т. е. свои привилегіи и удобства жизни) гораздо выше и отечества (т. е. греческихъ народныхъ идеаловъ) и свободы“ ³⁾).

Факты, въ которыхъ выразилось доблестное служеніе разсматриваемой іерархіи пользамъ своего правительства, относятся собственно къ XVIII и XIX вѣку. Болѣе раннихъ фактовъ въ томъ же родѣ мы не знаемъ. Вотъ первый фактъ, относящійся ко второй половинѣ XVIII вѣка. Въ 1770 году проживало на Аеопѣ, какъ говорится на покоѣ, три константинопольскихъ патріарха — Кирилль V, Серафимъ II и Самуиль I. Второй изъ нихъ, когда узналъ о томъ, что въ Элладѣ началось движеніе съ цѣлью освободиться отъ турецкаго владычества, то покинулъ Аеонъ и нашелъ себѣ пріютъ на русскомъ военномъ кораблѣ, принадлежавшемъ къ русскому флоту, крейсировавшему тогда въ Архипелагѣ. Но не въ этомъ суть дѣла. Почувствовавъ себя на свободѣ, Серафимъ началъ разсылать окружныя посланія съ воззваніемъ къ Грекамъ продолжать начатое

¹⁾ Проф. И. С. Бердниковъ, Церковное право правосл. церкви: „Прав. Соб.“, 1890, I, 270.

²⁾ Hertzberg, III, 78.

³⁾ Pischon. Verfassung d. Griechisch-orthod. Kirche in der Türkei: Stud. und Krit. 1864, S. 94.

дѣло освобожденія и не ослабѣвать. Нѣкоторыя изъ этихъ посланій были перехвачены свирпскимъ греческимъ митрополитомъ Гедеономъ и доставлены въ Константинополь тогдашнему патриарху Θεодосію II. Этотъ послѣдній чрезъ великаго логовета передалъ посланіе Серафима высокой Портѣ съ изложеніемъ осужденія на поведеніе ихъ автора. Затѣмъ Θεодосій издалъ грамоты, въ которыхъ онъ обращается къ греческому народу съ увѣщаніемъ пребывать вѣрнымъ султанской власти и отнюдь не слушать болтовни низверженнаго Серафима; объявлялъ, что сиподъ константинопольскій лишилъ писателя воззваній всякаго священническаго достоинства и чина и совершенно его низринулъ, принимая во вниманіе, что Серафимъ апостать, смутотворецъ и мужъ кровей ¹⁾).

За этимъ фактомъ очень скоро послѣдовалъ другой не менѣ любопытный. Когда въ самомъ концѣ XVIII вѣка элладская молодежь, подъ вліяніемъ выдающихся греческихъ ученыхъ и писателей, какъ Кораисъ, Евгеній Булгарисъ и другихъ лицъ, получившихъ образованіе въ Парижѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ и Мюнхенѣ, начала вслухъ мечтать объ освобожденіи своей родины отъ турецкой власти, то Порта встревожилась. Султанъ приказалъ тогдашнему константинопольскому патриарху Григорію V (о немъ подробнѣе — ниже) поразить анаемой безбожныхъ французовъ, что этотъ и исполнилъ. Интересно другое распоряженіе султана, которое тоже съ готовностію было исполнено другимъ высшимъ іерархомъ Востока въ тоже самое время. Султанъ приказалъ, пользовавшемуся уваженіемъ, патриарху іерусалимскому Аноиму обратиться со словомъ увѣщанія къ жителямъ Эллады. Патриархъ исполнилъ волю падишаха. Онъ написалъ и напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: „отеческое наставленіе“, въ которой выразилъ свои турецкія патриотическія чувства. Въ этомъ произведеніи Аноимъ говоритъ, что божественное провидѣніе утвердило оттоманское господство на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде владычествовали византійскіе императоры, склонные къ западнымъ ересямъ, — съ тою цѣлію, чтобы эта новая власть сдѣлалась охранительницей народа отъ западныхъ заблужденій. Писатель всячески на-

1) Σάθα. Τουρκοκρατουμένη Ἑλλάς, σελ. 513. Аены, 1869.

падаетъ на стремленіе Грековъ къ освобожденію, называетъ это стремленіе порожденіемъ діавола, выдумкою воображенія, возстаніемъ на благочестіе, путемъ ведущимъ къ обнищанію, убійствамъ, хищеніямъ, всякому несчастію. Внущалъ, что кто увлекается ложною свободою, тотъ лишится вѣчной жизни, вѣнцовъ небесныхъ, вѣчнаго блаженства. Побуждалъ облещись въ тѣ dospѣхи, о которыхъ писалъ Апостоль, и возстать противъ козней діавола“. Когда извѣстный греческій ученый того времени Корансъ прочелъ „отеческое наставленіе“ Анаѣма, то онъ заявилъ, что его блаженство сошелъ съ ума или же онъ преобразился изъ пастыря въ волка ¹⁾. Вообще, по выраженію одного писателя, это „наставленіе“ казалось Грекамъ „ущатомъ холодной воды, вылитымъ на ихъ головы“ (Bertholdy).—Другіе факты въ томъ же родѣ. Почти въ то же время, о которомъ мы сейчасъ говорили, одинъ греческій священникъ Самуиль, поставивъ цѣлю своей жизни борьбу съ исламомъ, принялъ на себя грозное имя: „страшнаго суда“, возбуждалъ сулютовъ въ 1803 году къ возстанію; за это греческіе архіереи предали его, какъ измѣнника законному государю, церковной анаѣемѣ ²⁾. Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ извѣстный константинопольскій патріархъ Григорій V. Этотъ не желалъ лишиться благосклонности Порты ³⁾ и многое дѣлалъ, чтобы проявлять свою лойяльность. Въ началѣ возстанія придунайскихъ княжествъ въ 1820 году, незадолго до своей извѣстной несчастной кончины, патріархъ, сообразуясь съ видами Порты, поразилъ торжественною анаѣемою главаря возстанія—Александра Ипсилантиса и всѣхъ такъ называемыхъ этеристовъ ⁴⁾. Этотъ же самый Григорій при другомъ случаѣ пошелъ еще далѣе. Въ 1807 году Англичане расположились флотомъ противъ Стамбула и грозили взять столицу Турціи. Тогда Порта начала подозрѣвать, что Греки въ заговорѣ съ иностранцами и что самъ патріархъ на сто-

¹⁾ Ibidem, стр. 632—635.

²⁾ Pichler, Geschichte der kirchl. Trennung. B. I, S. 442 (на основаніи англійскаго сочиненія Финлея). Münch., 1864.

³⁾ Hertzberg, III, 398.

⁴⁾ Hertzberg, B. IV, S. 20. Вазили. Очерки Константинополя. Ч. II, 129. Петерб. 1835. Объ этомъ сочиненіи говорятъ, что оно составлено на основаніи „Константинады“ патріарха константинопольскаго Константія.

ронѣ враговъ. Для того, чтобы очистить себя отъ подозрѣній, Григорій предложилъ правительству помощь своего народа въ защитѣ города. Предложеніе принято. И вотъ патріархъ вооружился заступомъ и повелъ съ собою 30,000 Грековъ для укрѣпленія береговыхъ крѣпостей. Султанъ смотрѣлъ изъ сераля на зрѣлище и радовался. Въ награду ревностный патріархъ получилъ отъ султана богатую шубу, которую по его словамъ никогда не носилъ ¹⁾, но конечно хранилъ какъ зеницу ока. Печальная смерть Григорія V въ 1821 году всѣмъ извѣстна. Она, по нашему мнѣнію, нисколько не удивительна: патріархъ хотѣлъ служить и нашимъ и вашимъ, и какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ—прогадалъ.—Еще одинъ и послѣдній фактъ все въ томъ же родѣ. Премникомъ Григорія V-го былъ патріархъ Евгеній. Патріаршествованіе его было коротко, но знаменательно. Въ это время происходили бунты янычаръ, которые подъ вліяніемъ элладскаго возстанія требовали истребленія всѣхъ христіанъ. Порта была терроризована. При такихъ обстоятельствахъ патріархъ Евгеній получилъ отъ Порта повелѣніе представить въ Константинополь всѣхъ тѣхъ христіанъ, которыхъ патріархъ считаетъ неблагонадежными и склонными къ возстанію. Епископы патріархата, увѣдомленные патріархомъ объ этомъ требованіи правительства, не безъ охоты принялись за инквизицію, удовлетворяя чувству мщенія на нѣкоторыхъ, болѣе самостоятельныхъ изъ своихъ пасомыхъ, и желая выразить свой турецкій патріотизмъ. И вотъ патріархъ засадилъ въ тюрьмы такое множество христіанъ, будто бы опасныхъ въ политическомъ отношеніи, что сами Турки нашли нужнымъ поумѣрить ревность греческихъ архіереевъ и пощадили жизнь большинства арестованныхъ, какъ людей совершенно невинныхъ ²⁾.

Сами Турки были очень благодарны греческимъ архіереевъ за ихъ помощь, какую они оказывали правительству, сдерживая поползновенія Грековъ къ освобожденію отъ турецкой власти. „Четыреста лѣтъ—такъ говорили образованнѣйшіе Турки—мы господствовали надъ райями чрезъ ихъ

¹⁾ (Муравьевъ). Путешествіе ко св. мѣстамъ въ 1830 году. Ч. I. стр. 76—77. Петерб., 1840.

²⁾ Pischon. Op. cit., S. 95—97.

духовенство, которое всегда относилось къ намъ, какъ вѣрный союзникъ, и вліяніе котораго было тождественно съ нашимъ. Что-же будетъ тогда—съ грустью говорили тѣ же Турки—когда ослабнетъ связь, посредствомъ которой мы обуздываемъ эти массы, когда этотъ могущественный клиръ самъ долженъ будетъ искать новыхъ путей для удовлетворенія своего честолюбія, когда онъ соединится съ разнужданными (?) народами“? ¹⁾ Когда это будетъ? Во всякомъ случаѣ такое время не наступило. Это мы сейчасъ докажемъ.

Напрасно было бы думать, что греческая іерархія смотритъ добрыми глазами на Русскихъ, исполненныхъ, какъ извѣстно, желанія сокрушить владычество полумѣсяца надъ крестомъ въ древле-православныхъ странахъ. Греческіе архіереи прекрасно знаютъ, что ни откуда не грозитъ такой опасности для Оттоманской Порты, какъ со стороны Россіи, но это отнюдь не ралуетъ ихъ, а безмѣрно печалитъ. Греки путемъ не знаютъ Россіи, однакоже, ослѣпленные своимъ филэллинствомъ, смотрятъ на нее свысока и съ нескрываемымъ пренебреженіемъ. Попасть подъ владычество Россіи, по ихъ разумѣнію, значитъ быть объятыми невѣжествомъ и варварствомъ. Греки такъ разсуждаютъ: „что общаго между русскимъ кнутомъ и благородною эллинскою націею? между деспотизмомъ и свободою? между скиѣскимъ мракомъ и граціею юга? Что общаго между этой свѣтлой, благородной Греціею и мрачнымъ Ариманомъ Сѣвера? Мечты объ ихъ духовномъ союзѣ есть плодъ одного невѣжества толпы, для которой колокольный звонъ дороже возвышенныхъ идей, доступныхъ лучшимъ Грекамъ“ ²⁾. Въ такомъ пренебрежительномъ тонѣ Греки относятся къ Русскимъ не съ недавнихъ только поръ, не въ XIX только вѣкѣ; а и раньше относилсь они также. Даже въ срединѣ XVII вѣка какіе-то греческіе купчишки, торговавшіе своими гнилыми товарами на Москвѣ, потомъ изволили разглашать въ Константинополѣ разныя небылицы о Россіи. Наприм. они рассказывали, что учителей здѣсь нѣтъ, и что

¹⁾ Розена. Исторія Турціи отъ 1826 до 1856 года. Часть II, 265—266. Петерб., 1872. Переводъ съ нѣмецкаго.

²⁾ Леонтьевъ. Изъ жизни христіанъ въ Турціи. Томъ I, стр. 180. 184.

самъ царевичъ (Алексѣй, сынъ Михаила Теодоровича) учился у нихъ, купцовъ, „играть дrevкомъ“, что будто какой-то чернецъ „заклялъ Русскихъ“, чтобы они отнюдь „не ходили войною противу Татаръ“, и что будто Русскіе слушались этого чернеца. Они насмѣхались надъ самимъ русскимъ царемъ, что будто занявшись изготовленіемъ серебрянаго чана для крещенія королевича (датскаго?), онъ забылъ про всѣ важнѣйшія дѣла ¹⁾. Но пренебреженіе къ Русскимъ, какъ менѣе будто бы культурному народу, чѣмъ сами Греки, еще не единственная причина, заставляющая главнымъ образомъ высшее духовенство побаиваться русскаго завоеванія Константинополя. Іерархія боится, что съ изгнаніемъ Турокъ изъ Европы Русскими, эти послѣдніе заставятъ архіереевъ жить и дѣйствовать по церковнымъ канонамъ, отъ чего эти архіереи совсѣмъ отвыкли. Одинъ очень образованный греческій епископъ въ 60-хъ годахъ текущаго вѣка говорилъ то именно, что думаютъ всѣ прочіе архіереи, когда заявлялъ: „вы славяне (т. е. Русскіе)—наши естественные враги. Мы должны отнынѣ поддерживать Турокъ. Пока существуетъ Турція, мы еще обезпечены. Панславизмъ опасенъ намъ“ ²⁾. Въ результатѣ всѣхъ указанныхъ отношеній Грековъ и въ особенности греческихъ архіереевъ получилось то, какъ засвидѣтельствовалъ одинъ русскій путешественникъ по Востоку, что „начиная отъ послѣдняго монаха и кончая такими представителями церкви, какъ патріархи, все греческое духовенство ненавидитъ насъ безотчетно, но отъ души“ ³⁾.

Представимъ нѣсколько фактовъ того ненавидѣнія, какимъ одушевлены въ отношеніи къ намъ высшіе іерархи греческой церкви. Факты эти производятъ нравственно-тяжелое впечатлѣніе, а потому мы воздержимся отъ всякаго комментарія. Пусть они сами за себя говорятъ.

Просвященный Порфирій (Успенскій) въ одномъ изъ своихъ трудовъ, посвященныхъ изученію греческой церковной жизни, передаетъ такой разсказъ, или изъ диковинъ

¹⁾ (Муравьевъ). Сношенія Россіи съ Востокомъ. Ч. II, 298—229. Петербургъ, 1860.

²⁾ Леонтьевъ. Востокъ, Россія, Славянство. Т. I, стр. 13.

³⁾ Елисеева, доктора. Путь къ Синаю въ 1881 году, стр. 7. Петерб. 1883. *Изданіе православнаго Палестинскаго Общества.*

диковину, какъ выражается авторъ. Константинопольскій патріархъ Мелетій (правиль церковію не полный 1845 г.), когда онъ представлялся султану Абдулу-Меджиду, поцѣловалъ его ногу и сказалъ: „нынѣ отпускаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе твое, еже еси уготовалъ“. Повѣствователь прибавляетъ: патріархъ этотъ былъ другъ Турокъ и *врагъ Русскихъ* и будто говаривалъ: „дайте мнѣ хоть небольшой кусокъ тѣла какого нибудь Русскаго, я изрублю его на мельчайшія части“¹⁾.

Тотъ же преосв. Порфирій въ другомъ своемъ сочиненіи повѣствуетъ: „Въ 1854 году, когда длилась война нашего Севастополя, вселенскій патріархъ, конечно константинопольскій (но какой—у автора не сказано, между тѣмъ во время севастопольской войны смѣнилось три патріарха въ Константинополѣ), по желанію и повелѣнію султана Абдуль-Меджида извѣстествовалъ и обнародовалъ молитву для православныхъ христіанъ, въ которой испрашивались у Бога побѣды нашимъ врагамъ, а намъ (т. е. нашему христіолобивому воинству)—пораженіе. Въ молитвѣ читалось: „Господи Боже нашъ, Боже Авраама, Исаака и Иакова, Иже премудростію вся создавый... Самъ и нынѣ святыи Царю славы, пріими отъ насъ смиренныхъ и грѣшныхъ рабовъ Твоихъ приносимое Тебѣ моленіе о державнѣйшемъ, тишайшемъ и милостивѣйшемъ царѣ и самодержцѣ, султанѣ Абдуль-Меджидѣ, владыкѣ нашемъ. О, Господи, Боже милости, услыши насъ смиренныхъ и недостойныхъ рабовъ Твоихъ въ часъ сей и удержи его неодолимою силою, воинство же его укрѣпи, даруя ему повсюду побѣды и добычи, разруши вражды возставшихъ на державу его, и вся къ пользѣ его устрой, да тихое и безмолвное житіе поживемъ, славяще всесвятое Имя Твое Отца и Сына и Св. Духа. *Аминь*. И нѣтъ сомнѣнія, что константинопольскій патріархъ и греческіе архіереи не одними устами молились Богу при этомъ, но и всѣмъ сердцемъ. „Эта молитва, добавляетъ преосвящ. авторъ,—была прислана и на Аѳонъ. Но здѣсь ее не читали ни въ церквахъ, ни въ кельяхъ“²⁾.

¹⁾ Преосв. Порфирія. Первое путешествіе въ аѳонскіе монастыри. Ч. II, отд. 1, стр. 2. Кіевъ, 1877.

²⁾ Исторія Аѳона, ч. III, отдѣл. 2-е, стр. 595. Греческій текстъ молитвы см. въ нашемъ „Введеніи“.

Или вотъ наконецъ эпизодъ изъ послѣдней русско-турецкой войны изъ за Болгаріи. Когда Русскіе заняли Болгарію, константинопольская патріархія, основываясь на должныхъ донесеніяхъ адріанопольскаго греческаго митрополита Діонисія, туркофила, постоянно досаждала русской власти жалобами на стѣсненіе Грековъ въ религіозномъ отношеніи со стороны Болгаръ. Между тѣмъ русское военное начальство старалось держать себя равно внимательно и къ греческому и болгарскому духовенству. Графъ Тотлебенъ, главнокомандующій русской арміи, наприм. съ намѣреніемъ удовлетворить и Грековъ и Болгаръ, ходилъ въ Филиппополь по праздникамъ къ богослуженію въ одинъ день въ греческую, а другой въ болгарскую церковь; но этимъ онъ не достигъ желанной цѣли. Ибо Греки продолжали косо смотрѣть на Русскихъ. Интересно, что когда графъ Тотлебенъ возвращался изъ Ливади, значить отъ самого русскаго государя, въ Адріанополь, то ему вышло на встрѣчу духовенство разныхъ исповѣданій—Болгары, Армяне, Евреи и даже мусульмане; всѣ они явились къ графу, чтобы засвидѣтельствовать благодарность за оказываемое имъ русскимъ начальствомъ покровительство,—явились, за исключеніемъ греческаго митрополита Діонисія. Русскіе военные начальники вынесли изъ этого и подобныхъ фактовъ заключеніе, что „отношенія греческаго духовенства къ Рускимъ были недружелюбныя и что оно старалось выказать эти чувства даже въ мелочахъ“. Извѣстно, что Адріанополь потомъ опять отошелъ къ Туркамъ. Когда же прибылъ сюда новый турецкій генераль-губернаторъ Реутъ-паша, то Греки подготовили ему торжественную встрѣчу, и въ произнесенной при этомъ рѣчи между прочимъ было сказано: „долго мы были въ плѣну, наконецъ-то видимъ мы нашего избавителя“¹⁾.

Но довольно. Если, какъ говорится, отъ добра добра не ищутъ, то греческимъ іерархамъ, облеченнымъ обширною не—каноническою властію въ отношеніи къ своимъ паствамъ, нечего еще болѣе желать. Всякія побѣды и одолженія

¹⁾ Теплова. Греко-болгарскій церковный вопросъ, стр. 170—172. Петерб. 1889. И. С. Бердникова. Церковное право правосл. церкви: „Прав. Собесѣдн.“, 1890, II, 120—1.

надъ Турками невыгодно отзовутся не только на карманѣ, но и на душевномъ спокойствіи и честолюбіи восточныхъ епископовъ ¹⁾. Греческое высшее духовенство, поэтому, вовсе не желаетъ сверженія турецкаго ига.

Остается сказать хотя нѣсколько словъ объ отношеніи греко-восточнаго народа, ставшаго турецкими подданными, къ Оттоманской Портѣ.

Еще византійскій вельможа Лука Нотара, современникъ паденія Византіи, говорилъ: „лучше чалма, чѣмъ папская тіара“ ²⁾—пусть будетъ въ Византіи. И эти слова сдѣлались какъ бы лозунгомъ для многихъ православныхъ странъ, которымъ по паденіи византійской имперіи приходилось дѣлать выборъ: подчиниться ли Туркамъ, или сосѣднимъ католическимъ державамъ—Венеціанцамъ и Австрійцамъ. Турція, въ особенности со времени Магомета II, дѣлаетъ не мало мирныхъ завоеваній среди народовъ православныхъ, сдѣлавшихся теперь, по паденіи Византіи, близкими сосѣдями Турокъ. Что же привлекало подобные народы къ Туркамъ? Прежде всего—сравнительная вѣротерпимость этихъ мусульманъ. „За немногими исключениями мусульманство всегда отличалось гораздо большею терпимостію, чѣмъ католичество. Не въ одной фанатической храбрости и энергіи Турокъ, а преимущественно въ ихъ религіозной терпимости и въ ихъ пониманіи религіозной нетерпимости латинскаго Запада заключается тайна ихъ удивительныхъ успѣховъ въ войнахъ съ Австрією и Венецією“ ³⁾. Внѣшнее обращеніе Турокъ съ православными, наприм. Греками, было гуманнѣе, чѣмъ римско-католическихъ державъ. „Хотя для Османовъ всѣ христіане были не болѣе, какъ свиньи одной и той же щетины, но правительство турецкое (именно правительство) никогда не заходило такъ далеко, какъ венеціан-

¹⁾ Проф. И. С. Бердниковъ говоритъ: „для вселенской патріархіи дороже всего соблюденіе національныхъ (т. е. грекофильскихъ) интересовъ. Направленіе поистинѣ далекое отъ духа Христова—духа мира и любви“. Справедливыя и дорогія слова,—дорогія тѣмъ, что нашего автора никто не дерзнетъ заподозрить въ такъ называемомъ либеральничаньи. (Правосл. Соб. 1890, II, 118. Op. cit.).

²⁾ По свидѣтельству Франзій.

³⁾ Ламанскаго, проф. Объ истор. изученіи греко-славянскаго міра, 26. Петерб. 1871.

ское, римско-католическое, формально предписывавшее своимъ проведиторамъ обращаться съ вѣроломными (т. е. не римско-католическими) Греками, которымъ де-нужны только хлѣбъ да побой,—обращаться какъ съ дикими звѣрями и сбивать ихъ когти и зубы“¹⁾).

Подъ вліяніемъ представленій о турецкомъ народѣ, болѣе толерантномъ и гуманномъ по отношенію къ православнымъ, чѣмъ католическія правительства, страны, еще не вошедшія въ составъ Турціи, не желали идти подъ владычество римскихъ католиковъ и вступали въ подданство Турокъ. Въ царствованіе еще Магомета II двѣ православныя страны Сербія и Боснія присоединились къ державѣ этого султана только потому, что не захотѣли подчиниться папистамъ. Во времена Магомета II Сербіею управляла Елена, происшедшая изъ рода Палеологовъ. Она хорошо понимала, что сохранить совершенно независимую Сербію теперь невозможно, а потому ей пришла въ голову мысль отдать Сербію въ качествѣ лена папскому престолу и такимъ образомъ найти себѣ защитниковъ въ римско-католическомъ мірѣ противъ Турокъ. Но она жестоко ошиблась въ расчетахъ. Бояре, узнавши о планахъ Елены, всячески воспротивились имъ, ибо они пуще всего берегли свою отеческую вѣру. Чтобы избавить свою страну отъ папизма, они вошли въ сношенія съ Магометомъ II, изъявляя готовность, отъ имени Сербіи, отдаться въ подданство султана. Конечно, для султана была очень выгодна такая комбинація. Какъ оказалось потомъ, обѣ стороны остались взаимно очень довольны. Когда въ 1458 году Магометъ съ войскомъ пришелъ въ Сербію, многіе города добровольно отворяли ему ворота, а бояре столь же добровольно отдавали ему же ключи отъ городовъ. Болѣе услужливые бояре были награждены отъ султана или деньгами или помѣстьями. И Сербія стала провинціей турецкой имперіи²⁾. Нѣчто подобное случилось и съ Босніею. Королева—мать Екатерины, заправлявшая ходомъ дѣлъ въ Босніи, очень желала, чтобы хоть часть государства осталась ей во владѣніе, на правахъ самостоятельнаго царства. Но какъ сохранить эту часть? Съ одной стороны сильныя

¹⁾ Гервинуса. *Op. cit.*, стр. 13.

²⁾ Zinkeisen. II, 113 - 117:

римско-католическія державы, съ другой могущественные Турки. Долго думала она, какъ поступить, и наконецъ рѣшилась для блага народнаго и личнаго принять исламъ и поставить себя подъ покровительство Турокъ ¹⁾. Это было при Магометѣ II.

И впоследствіи многія страны, сосѣднія съ Турціей, если имъ нужно было разрѣшить вопросъ о томъ: подъ какимъ владычествомъ лучше жить — подъ турецкимъ или наприм. венеціанскимъ, то онѣ всегда склонялись въ пользу перваго. Обладаніе венеціанцевъ о. Кипромъ доставляло этой державѣ постоянныя хлопоты и опасенія, какъ бы жители этого греческаго острова не отпали отъ ея владычества и не перешли къ Туркамъ. Такъ въ 1560 году венеціанскій Совѣтъ Десяти требуетъ у своей собственной администраціи на Кипрѣ точныхъ свѣдѣній о тѣхъ кипріотахъ, которые ѣздятъ въ Константинополь для того, чтобы внушить Туркамъ мысль захватить Кипръ. Черезъ три года, въ 1563 году, тотъ же Совѣтъ Десяти требуетъ отъ своихъ правителей Кипра сообщенія подробностей о заговорѣ, недавно открытомъ между кипріотами и имѣющимъ цѣлю отложиться отъ Венеціи и отдаться Туркамъ. Въ 1569 году венеціанскій банль въ Константинополѣ доносилъ тому же Совѣту Десяти о прямыхъ сношеніяхъ кипріотовъ съ Турками съ цѣлю же отдаться подъ ихъ власть. Одинъ вліятельный кипріотъ говорилъ флотскому турецкому начальнику, что всѣ островитяне призываютъ Турокъ къ себѣ на помощь, что они увѣрены въ дарованіи Турками свободы имъ ²⁾. На греческомъ о. Калдіи, подчиненномъ венеціанской власти, видимъ тоже самое. „Греческое населеніе о. Калдіи, какъ и кипріоты, не терпѣло венеціанцевъ, радовалось ихъ неудачамъ и желало перейти къ Туркамъ“ ³⁾. Очень интересный фактъ въ этомъ случаѣ относится къ 1572 году.

¹⁾ Zinketsen. II, 143—147.

²⁾ Lamansky. *Secrets d'état de Venise. Documents et. c.*, pp. XVIII, XIX (второй пагинаціи), 034. Petersb., 1884. Сейчасъ упомянутый вліятельный кипріотъ говорить: *Turchi daranno la libertà a tutti* — въ этихъ словахъ выражается надежда, что при Туркахъ кипріотамъ можно будетъ жить свободнѣе; а въ словахъ: *e serviranno in favor di essi Turchi* — выражается желаніе кипріотовъ содѣйствовать предпріятію Турокъ занять островъ.

³⁾ Ламанскаго. Могущество Турокъ, стр. 20.

Венеціанскій Совѣтъ Десяти писалъ администраціи о Кандіи, чтобы она обратила самое бдительное вниманіе на одного греческаго священника, который, находясь на островѣ, внушалъ Грекамъ, чтобы они твердо держались своей церкви, и который объявлялъ имъ, что скоро придутъ Турки на о. и избавятъ жителей его отъ власти венеціанцевъ, какъ они сдѣлали недавно на о. Кипрѣ. Мудрый Совѣтъ Десяти рекомендуетъ чинамъ своей администраціи утопить этого священника или инымъ подобнымъ образомъ развязаться съ этимъ безпокойнымъ человѣкомъ; но только слѣдовало сдѣлать это возможно секретно ¹⁾. Въ двухъ континентальныхъ странахъ—въ Альбаніи и Далмаціи—въ XVII вѣкѣ, когда заходила рѣчь у ихъ обитателей о томъ, чье господство лучше — венеціанское или турецкое, предпочтеніе всегда отдавалось этому послѣднему. Жителями этихъ странъ были Албанцы и Славяно; тѣ и другіе въ большинствѣ православные. Вотъ образчикъ разсужденій тѣхъ лицъ, которыя въ Албаніи и Далмаціи тянули на сторону Турокъ. „Стоять подъ властью Венеціанцевъ тяжело; если что Венеціанцы общають, то этого не сдѣлають, а между тѣмъ налагають тяжкое ярмо на шею; они послѣднюю свободу отнимають; кто принимаетъ подданство Венеціанцевъ, тѣ дѣлаются людьми, не имѣющими ни имени, ни чести; увы, Турки отнимутъ земли, но останется вѣра“ православная ²⁾.

Всѣ эти желанія кипріотовъ, кандійцевъ, албанцевъ и далматинцевъ исполнились. Они сдѣлались подданными султана: кипріоты въ XVI, а всѣ остальные въ XVII вѣкѣ.

Интересно вотъ-что: повидимому и Сербы и Босняки, о которыхъ мы говорили выше, и Кипріоты съ Кандійцами, Албанцами и Далматинцами—стремились подъ владычество Турокъ затѣмъ, чтобы сохранить неповрежденную христіанскую вѣру, какую исповѣдывали перечисленные народности; но что же оказалось на дѣлѣ? Лишь только мечты ихъ исполнились: Турки овладѣли ими, какъ ренегатство приняло среди нихъ замѣчательно широкіе размѣры. Въ Сербіи уже въ XVI вѣкѣ, если повѣримъ свидѣтельству какого-то Георгіевича (повидимому Сербя) мусульманство сдѣ-

¹⁾ Lamansky. Op. cit. p. XXII (второй пагинаціи).

²⁾ Lamansky. Op. cit. XXIII (второй пагинаціи); 090—091.

дало быстрыя побѣды надъ христіанскимъ народонаселеніемъ, столь быстрыя, что, по словамъ Георгіевича, „пройдетъ еще немного времени и объ имени христіанскомъ пожалуй не останется и памяти“ ¹⁾. Что-то подобное случилось и въ Босніи, гдѣ мусульманскій элементъ и христіанскій уравновѣсились ²⁾. Въ Кандіи (Критѣ) дѣла пошли нисколько не лучше. Послѣ того, какъ этотъ островъ во второй половинѣ XVII вѣка перешелъ подъ власть Турокъ, „курмулиды, сильное критское племя, на Мессарской долигѣ, перешли тогда впервые къ исламу, хотя и оставались тайными христіанами. На рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ западные путешественники замѣчали, что обитатели Кандіи во множествѣ отпадаютъ отъ христіанства“ ³⁾. Численность какъ магометанъ, такъ и христіанъ здѣсь почти сравнялась ⁴⁾. Въ Албаніи произошло еще большее паденіе христіанства. Дворянство и вообще болѣе вліятельныя фамиліи ринулись въ исламъ. А за дворянствомъ и прочіе смертныя. „Въ землѣ Албанцевъ (въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка) христіанское духовенство было въ такомъ упадкѣ, что во многихъ приходяхъ по двадцати лѣтъ не появлялось ни одного духовнаго лица“ ⁵⁾.

Что это могло бы значить? Тѣ самыя народности, которыя видѣли въ Туркахъ избавителей отъ нетолерантнаго и фанатическаго владычества римско-католическихъ государствъ, — вдругъ сами дѣлаются мусульманами, когда ихъ желаніе стать подъ власть Турокъ исполнилось? Какъ это понимать? Есть основаніе полагать, что это отступничество, ознаменовавшее XVII и начало XVIII вѣка, падаетъ на римско-католиковъ, а не православныхъ христіанъ. Одинъ римско-католическій писатель нашего времени, касаясь разсматриваемаго времени, въ исторіи Турціи говоритъ: „въ 1703 году такъ много отпало отъ своей вѣры римско-католиковъ, что казалось какъ будто бы противъ римско-католической религіи существуетъ какой-то заговоръ“ ⁶⁾. Очень

¹⁾ Zinkeisen. III, 362.

²⁾ Hertzberg. III, 132.

³⁾ Гервинуса. Op. cit., 21.

⁴⁾ Hertzberg. III, 132.

⁵⁾ Hertzberg. III, 128. Гервинуса. I, 21.

⁶⁾ Pichler. Op. cit., 438.

интересное извѣстіе! Оно и дѣйствительно подтверждается историческими фактами. Такъ въ Албаніи, около середины XVII вѣка число христіанъ римско-католическаго исповѣданія упало съ 350,000 до 50,000, причемъ разность поступила въ пользу магометанъ ¹⁾. Здѣсь же въ Албаніи, въ епископіи скутарійской въ теченіи 30 лѣтъ число римско-католиковъ съ 20,000 спустилось до 12,000 ²⁾. Можно утверждать, что отступничествомъ отъ вѣры и въ Босніи ознаменовали себя именно римско-католики ³⁾. Удивительно то, что отступничества римско-католиковъ въ началѣ XVIII вѣка въ самомъ Константинополѣ были такъ поразительно часты, какъ никогда этого не было раньше ⁴⁾. Итакъ въ очень печальномъ явленіи—рenegатствѣ,—которое замѣчается въ XVII вѣкѣ, кажется нѣтъ основаній винить греко-восточныхъ христіанъ. Переходили въ исламъ, по крайней мѣрѣ болѣею частію, римско-католики, которые конечно раньше не желали видѣть у себя господства полумѣсяца,—и, попавъ во власть Турокъ, не обнаружили мужества. Непонятнымъ остается главнымъ образомъ слишкомъ сильный приростъ мусульманства въ XVII вѣкѣ въ Кандіи, гдѣ народонаселеніе было греческое и гдѣ сами жители какъ манны небесной ждали своего освобожденія отъ власти Венеціанцевъ и подчиненія Туркамъ. Но, какъ кажется, дѣло нѣсколько разъяснится, если обратимъ вниманіе на то, что Кандія не одно столѣтіе была подъ владычествомъ Венеціанцевъ папистовъ, что все дворянство здѣсь было латинское, что здѣсь поселилось множество колонистовъ, пришельцевъ изъ Италіи и венеціанской республики, и что наконецъ здѣсь же было въ рабскомъ, забитомъ состояніи много Арабовъ ⁵⁾. Всѣ эти обитатели острова, и помимо

1) Hertzberg. III, 129.

2) Pichler. I, 438.

3) По историческимъ показаніямъ, въ XVI вѣкѣ крестьяне, сельскіе жители, принадлежали къ римско-католической религіи и терпѣли гоненія отъ своихъ помѣщиковъ, перешедшихъ въ исламъ. Вообще римско-католическая религія имѣла очень многихъ послѣдователей въ Босніи. Они-то, безъ сомнѣнія, и запятнали себя рenegатствомъ. Neigebauer. Die Süd-Slaven, S. 196. 199. Leipz. 1851.

4) Гервинуса. I, 21.

5) Zinkeisen. В. IV, 692, 4. 5. 714. 722. 728. Слич. Н. Н. Малышевскаго. Мелетій Пигаевъ, патр. александрійскій, стр. 100. 117.

Грековъ, могли выдѣлять изъ себя элементы ренегатства. Но конечно и Греки не были святыми. Кандія долго была подъ суровымъ владычествомъ Венеціанцевъ папистовъ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если извѣстная часть изъ здѣшнихъ Грековъ, вслѣдствіе стѣсненій отъ Венеціанцевъ, приняла папизмъ, и что она же теперь, по завоеваніи острова Турками, не желая быть жертвою турецкаго мщенія (Турки не любили р.-католиковъ) обратилася въ исламъ. Какъ бы то ни было, нельзя себѣ представить, чтобы Турки своихъ же давнишнихъ друзей въ Кандіи—Грековъ православнаго исповѣданія—такъ стѣснили, тотчасъ послѣ того, какъ островъ попалъ въ ихъ руки, что тѣ вынуждены были принять магометанство. Впрочемъ, нужно сказать,—во всей этой исторіи, о которой у насъ рѣчь, есть довольно-таки неяснаго.

Несомнѣнно одно: Греки, особенно Константинопольскіе (нужно отдать имъ честь!) замѣчательно вѣрно хранили свою православную вѣру и не расположены были мѣнять ее на религію Магомета. Мы знаемъ, что они умѣли такъ искусно устроиться, что и достигали высшихъ государственныхъ должностей—драгомановъ, великихъ драгомановъ, господарей—и въ тоже время оставались вдаль отъ магометанства. Не то нужно сказать о разныхъ другихъ народцахъ, населявшихъ въ особенности глухія провинціи Турціи—объ Албанцахъ, Боснякахъ и пр. Они охотиѣ переходили въ исламъ: у нихъ не было прочной культуры, крѣпкаго пониманія христіанства, укоренившихся историческихъ христіанскихъ традицій и пр., а потому они не могли, подобно Грекамъ, встрѣчать исламъ отпоромъ. Историкъ турецкой имперіи Гаммеръ, описывая XVI вѣкъ, представляетъ цѣлый списокъ великихъ визирей, визирей (министровъ), разныхъ высокопоставленныхъ особъ въ сухопутномъ и морскомъ войскѣ и въ администраціи, по насчитываетъ между ними лишь три—четыре Грека (принявшихъ исламъ, вѣроятно, при исключительныхъ обстоятельствахъ, въ родѣ десятины съ мальчиковъ). Главный же контингентъ исламизма давали: Албанцы, Босняки, Герцеговинцы, Кроаты, Русскіе (славяне²), Венгры¹). Значитъ, если намъ говорятъ, что до 1573 года, съ котораго турецкій элементъ началъ за-

¹) Hammer. Geschichte des Osmanisch. Reiches. II, 434—5.

нимать видное мѣсто на разныхъ государственныхъ ступеняхъ, „всѣ платныя и почетныя должности на султанской службѣ принадлежали христіанамъ“, обратившимся въ исламъ (слова венеціанскаго баила)¹⁾; если далѣе насъ увѣряютъ, согласно свидѣтельству отличныхъ знатоковъ и тонкихъ наблюдателей Турціи—венеціанскихъ пословъ,—что изъ румелійскаго (европейской части Турціи) населенія состоялъ (въ XVI в.) весь турецкій флотъ, вся султанская гвардія—пѣхота и кавалерія, и что изъ него же (этого населенія) постоянно черпался и обновлялся весь личный составъ высшей военной и политической администраціи—причемъ само собою разумѣется, что эти правящіе и служилые классы состояли изъ ренегатовъ, — то нужно утверждать, что всѣ подобные ренегаты принадлежали не къ греческой народности, а албанской, боснійской, кроатской и т. д. Слабые въ культурномъ отношеніи элементы турецкаго населенія легко поддавались влиянію исламизма. Не даромъ Гаммеръ, описывая XVI вѣкъ турецкой имперіи, когда особенно были въ силѣ и почетѣ не Турки, инородцы, въ имперіи, замѣчаетъ: „Османское государство, если поднялось подобно колоссу на сушѣ и на морѣ, то этимъ оно одолжено не своей туркманской грубости и мужеству, но греческой и славянской утонченности и хитрости, албанской и далматинской неустрашимости и вѣроломству, боснійской и кроатской твердости и упорству, вообще храбрости и безсовѣстности всѣхъ этихъ ренегатовъ, и талантамъ и властолюбію жителей странъ, завосванныхъ Турками“²⁾. Напрасно только во главѣ этихъ добровольцевъ—споспѣшниковъ Турціи Гаммеръ ставитъ грековъ, ибо изъ его же списка лицъ, правящихъ въ оттоманской имперіи XVI вѣка, помѣщеннаго послѣ сейчасъ приведенной его характеристики народностей, открывается, что Грековъ насчитывается въ этомъ случаѣ очень мало: первѳй—другой да и обчелся. Правильнѣе поступаетъ проф. Ламанскій, отнюдь не грекофилъ, который, исчисляя народности, своимъ трудомъ и способностями создавшія благополучіе турецкой имперіи въ XV и XVI вѣкахъ и готовые положить свой животъ за иновѣрцевъ—Турокъ, на первомъ мѣстѣ при этомъ ставитъ Албанцевъ а на самомъ

¹⁾ Zinkeisen. III, 249.

²⁾ Hammer. Op. cit., ibid.

послѣднемъ—Грековъ¹⁾. Греки всегда были себѣ на умѣ, и не очень ужь охотно шли на службу интересамъ Турокъ, дорожа своею вѣрою, которою приходилось бы жертвовать, если бы они захотѣли имѣть многія значительныя административныя должности. По справедливому выраженію одного русскаго посланника въ Турціи изъ временъ Петра I-го, Греки оставались „запазушными (тайными) врагами“ Турокъ²⁾. Греки пользовались, чѣмъ можно было отъ Турокъ, но себя Туркамъ не продавали.

Какимъ образомъ сдѣлались ренегатами эти лица, занимавшія многіе правительственныя посты и выгодныя служилыя мѣста у Турокъ—эти Албанцы, Кроаты и т. д.? Было бы напрасно о нихъ думать, что всѣ они насильственно обращены Турками въ исламъ; такого рода людей между ними было очень мало. Это были добровольцы, шедшіе на службу султану ради временныхъ выгодъ. Оказывается, что предпочтеніе, обнаруживаемое Портой ренегатамъ по сравненію съ природными Турками, служило источникомъ постояннаго недовольства для послѣднихъ; „они роптали на свое униженіе; ихъ возмущало, что ими управляютъ Босняки, Албанцы³⁾. Спрашивается: могли ли бы Турки завидовать преимуществамъ, получаемымъ ренегатами отъ Порты, если бы эти ренегаты пригнаны были въ лоно мусульманства палками, а не пришли бы добровольно? Да и могли ли ренегаты быть хорошими администраторами, какими они были на самомъ дѣлѣ,—если бы они при данныхъ условіяхъ не-хотя должны были принять на себя обязанности по управленію?

Сознаемъ, что намъ слѣдовало бы еще сообщить свѣдѣнія о частныхъ и домашнихъ отношеніяхъ христіанъ къ Туркамъ. Но мы, помимо воли, такъ распространились о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ народностей съ разныхъ другихъ сторонъ, что принуждены на сейчасъ указанный вопросъ отвѣчать сокращенно до послѣдней возможности. Спѣшимъ прежде всего отмѣтить слѣдующій любопытный фактъ: „восточные христіане привыкли къ турецкому языку, они даже любятъ его. Въ Малой Азіи есть много Грековъ, не-

¹⁾ Могущество Турокъ, 11.

²⁾ Ibid., 21.

³⁾ Ibidem, 11.

знающихъ по гречески. Въ ихъ церквахъ вся служба совершается по турецки“¹⁾. До конца XVII вѣка было множество такихъ случаевъ, что греческія дѣвицы—христіанки выходили замужъ за Турокъ, оставаясь христіанками. Наконецъ на это печальное явленіе было обращено вниманіе одного патріарха константинопольскаго, который сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Гречанки въ томъ только случаѣ выходили замужъ за Турокъ, если готовы потурчиться, — и примѣры выхода Гречанокъ за мусульманскихъ мужей почти прекратились²⁾. Греки охотно принимали къ себѣ въ домъ Турокъ, и какъ кажется научили ихъ пить запрещенное Магометомъ вино³⁾. Вообще мало по малу Турки и Греки такъ сжились между собою, что для наблюдателя очень не легко было различить Турка отъ не-Турка. Рико пишетъ: „Греки живутъ между Турками, на однихъ и тѣхъ же улицахъ, часто подъ одною и тою же кровлею. Дѣти тѣхъ и другихъ играютъ вмѣстѣ, воспитываются вмѣстѣ. У тѣхъ и другихъ почти одни и тѣ же нравы, они мало отличаются другъ отъ друга, если не принимать въ разсчетъ разницы религіозной“⁴⁾.

Вообще Греки, или точнѣе—греческая раія—относилась къ Туркамъ миролюбиво и добродушно; незамѣтно было яркихъ слѣдовъ приниженности и раболѣпства.

Но кто нибудь скажетъ: „да какъ же это такъ? А многочисленныя челобитныя Грековъ и вообще восточныхъ христіанъ, обращенныя къ Русскимъ въ бывшее время, челобитныя, повѣствующія о злосчастіяхъ христіанско-восточнаго люда? Вѣдь они же напечатаны во многихъ томахъ?“—Пу, что-жь? Эти томы дали матеріалъ русскимъ ученымъ для толстыхъ сочиненій. Вотъ простое разрѣшеніе, повидимому, мудреной загадки⁵⁾.

А. Лебедевъ.

¹⁾ Леонтьевъ. Востокъ, Россія и др. Т. II, стр. 344. М. 1886.

²⁾ Ricaut. Op. cit., p. 314—316.

³⁾ Ellsner. Neueste Beschreibung, S. 334—5.

⁴⁾ Ricaut, p. 11.

⁵⁾ Мы только мимоходомъ касались вопроса о притѣсненіяхъ, какимъ иногда подвергались христіане въ Турціи. Но этотъ недочетъ совершенно достаточно восполняется проф. Скабалановичемъ въ вышереконмендованной его статьѣ: „Политика турецкаго правительства“. Здѣсь разъяснены смыслъ, объемъ и значеніе указаннаго явленія. См. въ особенности стр. 445—454; 457—8 (Христ. Чт. 1878, т. II). Вообще должны сказать, того, что сдѣлано уже другими, мы не желали бы повторять въ нашихъ очеркахъ.